

Сан Линь

Он стоял на крыше самого высокого здания большого поместья семьи Мун и задумчиво покусывал нижнюю губу. Ночь плыла мимо прохладным ветром, острыми колючками падали с неба осколки звезд — в этом сезоне звездопад выдался особенно щедрым.

Вдруг некстати вспомнились слова чокнутой девчонки о том, что это не звезды, а всего лишь каменная пыль, которая летает где-то в небе своими дорогами и сгорает, натываясь на этот мир. Чушь, конечно же, очередная глупая сказка, а вот запала в память.

Баосы скрежетнул когтями по черепице, мягко опустившись рядом. Сложил крылья и вопросительно мяукнул.

— Займись сторожевыми башнями у ворот, — велел ему Сан Линь, и хищная улыбка примерзла к его губам. — Пришло время повеселиться.

— Ты все же решил выжечь этот клан дотла? — спросили вдруг откуда-то из-за спины, и Сан Линь резко обернулся. Но, вопреки стукнувшему о ребра сердцу, он увидел вовсе не того, кого ждал. На остром коньке крыши стоял и задумчиво смотрел вниз, в пока тихий внутренний двор, Гу Юнжень. На секунду лису показалось, что его новый «друг» и возможный будущий нани-

мать выглядит несколько странно, но это ощущение тут же прошло, когда мужчина откинул с головы капюшон своего неизменного темно-синего плаща.

— У вас есть какие-то возражения, мой господин? — Как Сан Линь ни старался, он не смог до конца замаскировать разочарованные нотки в голосе.

И Гу Юнжень мгновенно отреагировал на них:

— Что, ты ждал кого-то другого?

— Нет, — бросил лис, резко отворачиваясь и все равно не снимая с себя недавно придуманное заклинание, не позволяющее никакому постороннему зелью в воздухе проникнуть в его нос и горло.

— А жаль, — вдруг сказал Гу Юнжень, и в следующую секунду Сан Линь почувствовал, как мир вокруг взорвался яркими горячими звездами. В самый последний момент он еще успел сообразить, что подлетевший со спины человек в синем плаще просто и незамысловато ударил его по голове чем-то твердым и тяжелым, но сделать уже ничего было нельзя — забытье поглотило лиса.

С той стороны, куда минутой назад улетела крылатая бестия, сопровождавшая своего друга и хозяина, тут же послышалось злобное шипение. Тигродракон, неслышно подбирившийся к караульным на сторожевых привратных башнях, метнулся обратно с быстротою молнии и, уже подлетая к упавшему лису, едва заметно засветился темно-алым, готовясь плюнуть огнем во врага, посмевшего напасть на того, кого летающий зверь считал своей семьей.

— Козявкин, фу! — резко приказал Гу Юнжень, теряя в росте добрые полметра и сбрасывая с плеч синий плащ, под которым не оказалось ничего, кроме тонкого шелкового облегающего костюма черного цвета.

— Мяу?! — недоуменно и жалобно пискнул зверь, опускаясь на черепицу. Он вытянул морду и шумно по-

нюхал воздух. После чего переспросил еще жалобнее: — Миа-а-ао-о-оу-у-у?!

— Это для его же пользы, — сказал тот, кто притворялся Гу Юнженем, и не глядя протянул руку, чтобы погладить тигродраконыша по морде. — Не беспокойся, голова у него крепкая. Ну не железом же мне было нашу мамочку жечь... Кто его заставлял фильтры в нос колдовать? Сейчас уснул бы мирненько, и все! Так нет же, пришлось действовать радикально. Ты вот что, Козявкин, помоги-ка мне связать это чудо и запихнуть кое-куда. Пусть полежит пока... в безопасном месте. А я тут разберусь.

Следующие несколько минут тигродраконыш нервно порывивал, шумно втягивая воздух, и беспомощно наблюдал за тем, как его «папуля» осторожно стягивает запястья «мамули» странными нитями. Не выдержав, в какой-то момент все же потянулся и попытался подцепить нить зубом, понимая, что происходит что-то совсем уж непонятное. Но «папуля» была наготове и несильно, но от этого не менее обидно шлепнула по носу.

— Уа-ау-у-у! — жалобно провыл-прохныкал Баосы, совсем растерявшись. Он же должен защищать свою «мамулю» ото всех бед, но это же «папуля», да и угрозы нет. А еще Баосы соскучился по ней, «мамуля», он знал точно, тоже! А тут вот... Неправильно это! «Мамуля» будет в ярости, когда проснется. Он столько рассказывал ему, Баосы, насколько важна эта ночь, сколько предвкушал...

— Да знаю я, что это безумно важно для него. Будем считать, что мы с тобой сейчас устроим ему сюрприз, — внезапно выдала «папуля», закончив плести последний хитромудрый узел. Выдохнув, она утерла вспотевший лоб и принялась запихивать парня в мешок. Баосы беспокойно переступил с лапы на лапу, вновь принохиваясь к ночному воздуху, опасаясь проворонить появление в этот раз врага.

— Не знаешь, что такое «сюрприз»? — по-своему трактовала девушка, деловито упаковывая Сан Линя в мешок, будто делала это прежде не раз. — Подарок. У нас, конечно, не годовщина, но сколько-то месяцев точно прошло с момента нашего знакомства, было бы неплохо отметить. Вот только я девушка занятая, на празднование времени нет, так что ограничусь подарком... Как тебе идея?

Баосы заинтересованно склонил голову набок. Что такое подарок, он знал. Это когда ему разрешали сожрать много вкусного мяса и даже не ругались, что при этом он пачкался с ног до головы. Определенно, подарок — это хорошо! Что касается способа вручения... Кто поймет этих двуногих, может, у них свои традиции. Повода не доверять «папуле» у него не было.

— Миау? — вякнул он вопросительно, озадаченно уставившись на то, как девушка прикладывает к лицу Сан Линя нечто желеобразное, похожее на протухшую на солнце медузу, которую ему не позволили на прошлой неделе сожрать во время прогулки по побережью.

— Ага, не ошиблась. Надо же, какая у меня шикарная память, оказывается, запомнила его внешность до малейшей черточки. Гу Юнжень все же корявый получился, еще бы минута — и Линь понял бы, что подстава. Тут же... — бормотала она, выделявая какие-то магические пассы. А в следующий миг, подмигнув окончательно обескураженному Баосы, прилепила эту недомедузу к своему лицу и... и стала вдруг мамулей!

Баосы отпрянул, уставившись на нее ошалевшим взглядом. Потом осторожно втянул воздух и недоуменно тряхнул головой. По запаху «папуля», а по виду... Тут же переметнулся к лежавшему без сознания Сан Линю, почти полностью упакованному в мешок. Тщательно обнюхал его. Тут все сходилось: внешность соответствовала запаху.

Девушка тем временем достала из своего рюкзака какую-то колбу и полила мешок с Сан Линем сверху. Затем добавила несколько искр ци... И мешок исчез! Потрясенный Баосы бросился на то место и облегченно выдохнул: и по запаху, и на ощупь Сан Линь оставался там же, просто теперь его не было видно. Тигродраконыш снова жалобно мяукнул, уставившись на папулю.

— Пару часов продержится, потом снова станет видимым, не волнуйся. Ну что, Козявкин, пошли творить сюрприз и добывать «мамуле» подарок? — задорно подмигнула она и первая спрыгнула с крыши. Баосы не осталось ничего иного, как последовать за ней. Такую странную еще вдруг кто обидит, нет уж! Тут только глаз да глаз. И если бы «мамуля» не спал, он бы наверняка одобрил... После того как высказал бы все, что об этом думает.

ГЛАВА

2

*М*аскировочные свойства пузыриков открылись мне внезапно и нечаянно. Это случилось в тот момент, когда я еще до явления Сияна рисовала печать на филейной части Ланлинь. Не знаю, где что сбойнуло, но эта коза проснулась не вовремя и едва не заорала, обнаружив склонившееся над ней чудище с круглой зеркальной головой. Слава всем богам, я успела зажать ей рот ладонью и приголубить еще одной порцией сонного зелья.

Но вот содержание задавленного вопля мелкой пакостницы меня озадачило. Она пропищала что-то вроде: «Чур меня, это же Ланлинь!»

Я далеко не сразу сообразила, что невезучая главная героиня просто-напросто увидела собственное отражение в моем зеркальном шлеме. И оно даже не было искаженным из-за кривизны зеркала, поскольку я для собственного удобства давно сделала переднее «забрало» пузырька плоским.

Вот этот инцидент и навел меня на интересную мысль. Несколько дней экспериментов — и все получилось: я сумела придать пузырьку форму отразившегося в нем лица. Все же ци в этом деле незаменимая помощница, поскольку обладает некоей собственной памятью.

Иначе ничего не вышло бы — я химик, а не художник и не скульптор.

Еще пару дней я развлекалась и тренировалась, украдкой лоя «зеркалом» чужие отражения и примеряя на себя разные лица. А потом пришла ночь и случился Сиян с новостями.

М-де. Фигус пришлось посадить в реальный горшок, и он теперь пытался оправиться от потрясения на моем реальном подоконнике. Не бросать же было боевого товарища в никуда, я и так ему чуть ствол о божественную спину и задницу не обломала.

Сиян тогда позорно сбежал. Точнее, выпнул меня в реальность. А фигус так и остался в моих руках, даже с комьями земли на корневой системе — не все о божью морду обтрясла.

Вот и проснулась я с частичной сатисфакцией, боевым растением и многоматами в голове. А утром что? Утром сходила на занятия и стала думать, как быть дальше и куда применить новые особенности собственных пузырей. Ну и придумала, конечно.

Рост до нужного пришлось добирать с помощью местной обуви — сапоги на высоченной платформе придумали не в двадцатом веке, а гораздо раньше, в Китае. Прямо можно было не сапоги купить, а натуральные котурны. Вот ходить на них — это другой вопрос, это потребовало тренировки.

А еще голос же: пришлось вспомнить основы физики — эта наука с моей любимой химией рука об руку ходит, и было бы странно не знать основ. Что такое звук, мне объяснять не надо. А память ци — лучше примитивной граммофонной пластинки, на которую можно было записать звуковые колебания.

Вот только если тембр тонкая мембрана из энергии воспроизвести могла, то интонацию и манеру речи при-

шлось обеспечивать самостоятельно. Опять же, репетиция наше все... И хорошо, что облик плюс голос Гу Юн-жэня я помнила из дорамы. Настроила более-менее подходящий, хотя, конечно, долго эта маскировка никого не обманет — только в темноте, с расстояния как минимум в несколько метров и если не буду двигаться. Но по плану больше и не потребуется.

План придумался тот еще. Сама в ужас приходила от его наглости и рискованности. А что делать?!

Это еще хорошо, что рядом с лисом оставался мой верный шпион, по совместительству дракокотик. Он не стал вытряхивать из шерсти микроскопический пух-пыль-следилку, хотя и почуял его.

Да и теперь возмущенно фырчал и сопел на меня, но послушно крался вместе со мной между павильонов на территории клана Мун.

Я знала наверняка, где находилась та самая главная гнида, искалечившая психику не одного ребенка. И полностью разделяла чувства Сан Линя. Более того, еще пока продумывала весь этот рискованный план, сидя в академии, настраивала себя на то, чтобы не сорваться и вместо лиса самой не пойти вершить вендетту. Моя задача — проследить, чтобы не пострадали те, кто не замешан во всей этой грязи. А дальше... Сан Линь заслужил воплотить свою месть, не отвлекаясь ни на что и не будучи ограниченным во времени. В рамках же дорамы все пройдет именно так, как и должно было.

Козявкин шумно вдохнул воздух и едва слышно зарычал, опасно обнажив зубы. Его взгляд тут же загорелся яростью, стоило ему взглянуть на павильон, откуда доносилась музыка и периодически слышались пьяные вопли. Именно там сейчас праздновал что-то Мун Вейджо. Там все уже так перепились, что наши упражнения на крыше ничье внимание не привлекли.

— Знаю, туда мы обязательно проберемся, но чуть позже. Пойдем, — тихонько позвала я тигродраконыша, ласково потрепав по загривку.

Ментальная связь после запечатления не просто слова, через нее передаются не только мыслеобразы, но и яркие эмоции. Козьявкин сполна хлебнул боли и ненависти к этой твари, пусть на самом деле их испытал не сам, а его «мамуля».

У меня было время собрать все необходимые сведения о каждом члене клана Мун, проверить их и убедиться наверняка, кто заслуживает мести Сан Линя, а кто такая же жертва судьбы. Почти все виновные и гульбанили сейчас в главном павильоне, что мне было только на руку. Но все по порядку.

Первыми мы с Козьявкиным навестили самые отдаленные домики, которым больше подходило бы название «шалаша» и которые даже толком не охранялись. Здесь жили слуги, подмастерья, наложницы, жены и дети. Первой мыслью было усыпить всех привычным способом, запихнуть в мешок, перенести в безопасное место... И сколько бы я так провозюкалась? Недели две?

Войти, усыпить слабеньким раствором буквально на несколько минут. Убедиться, что тут только мои невинные клиенты, на всякий пожарный отпихнуть колюще-режущее-тяжелое-бьющееся подальше, привести в чувство. Расписать в двух словах, что клана Мун вскоре не станет, а все, кто рискнет упомянуть эту фамилию, умрут на месте, посоветовать драпать подальше, вручить денег. Выдохнуть... В идеале.

Не сразу, конечно, все получилось, и не так уж гладко. Не дура, понимаю, что всегда найдется та, кто будет кричать: «Бьет — значит, любит. И вообще, хороший мужик, у тебя и такого нет, зато все знают, что я из кла-

на Мун». Ну так и я не зря проверяла всех, не только виновных. Самых адекватных, не обделенных лидерскими качествами, определила сразу и заранее. Вот им и передала бразды правления и финансовую помощь, взятую из казны Муна, куда мы с Козявкиным наведались в первую очередь.

Да и пригодились все те же пузырьки, направленные на изменение голоса. Самым крикливым из протестующих их и навесила, даровав на время голосок мультяшного мышонка. Попытаются выступить, возмущаться и агитировать — ничего, кроме нервного смеха, в ответ не получают.

Зато адекватные товарищи, спасенные мною в первых рядах, убеждали остальных топать с ними подальше отсюда. А может, в большей степени помогала определиться многозначительная клыкастая улыбка Козявкина, отправившегося с ними от павильона к павильону. Я тем временем усыпляла на подольше и пеленала уже тех, кого невиновным было никак не назвать.

Почти все мужчины клана Мун либо делали это, либо наблюдали в первых рядах, либо покрывали. Хотя, не скрою, встретились несколько человек, кого заставляли молчать, шантажируя семьей. Правда, они же, узнав, что их дети и жены теперь в безопасности, пытались броситься вершить мстю великую все в тот же главный павильон.

Но там мы с вернувшимся Козявкиным и сами справились. Я готовилась, изобретала боевые декокты... А эти свиньи настолько упились в хлам, что хватило снова-таки банального эфира. Больше времени заняло пакование их в один мешок.

— Ну что, Козявкин, подарок мы почти приготовили, осталось правильно его подать, — заговорщицки подмигнула я тигродракону, скалившему зубы на ме-

шок. — Пошли на ближайший погост. Тут идти минут пять, не больше. Поможешь мне копать... Что? Не смотри на меня так осуждающе. Ты считал вообще, сколько народу мы отпустили, а сколько приготовили для мсти? А вот я считала. Ровно столько могилочек нам следует посетить... Да не скули ты, шучу я, копать не надо. Но помощь в переноске не помешает, учитывая, что мешок занят. Давай, малыш, за дело! Нам это все еще жечь, предварительно живописно разбросав тела, а после писать послание для народа...